

ГАЛИНА РОМАНОВА

ВТОРОЙ ПОДАРОК СУДЬБЫ

Галина Владимировна Романова

Второй подарок судьбы

Серия «Детективы Галины Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63574063

Второй подарок судьбы / Галина Романова: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118538-1

Аннотация

Настя возненавидела Новый год с того дня, как родители и любимый муж погибли в авиакатастрофе. С тех пор, когда за праздничным столом осталась в полном одиночестве и рыдала под бой курантов, комкая край нарядной скатерти. Однако в наступившем декабре она наконец встретила новую любовь. Сергей, не желая терять драгоценное время, собирался переехать к ней навсегда. Но опоздал: три часа назад обожаемую Настеньку, оказывается, увезли с тяжелой травмой в больницу. Ну как, как он мог не уберечь свою любовь?! Ведь знал же, что в городе орудует банда грабителей, переодетых Дедами Морозами!!!

Содержание

Второй подарок судьбы	5
Невеста в сугробе	57
Глава 1	57
Глава 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Галина Владимировна Романова

Второй подарок судьбы

© Романова Г. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

© Clash_Gene / Shutterstock.com;

© Maisei Raman / Shutterstock.com

Второй подарок судьбы

Она ненавидела запах хвои. И не столько самой хвои, сколько запах свежеспиленного дерева. Ее мучило всякий раз и выворачивало, стоило зайти в лифт с кем-то, кто держал в руках новогоднюю ель. Приходилось отворачиваться и закрывать варежкой нос, чтобы пряный сочный запах мохнатой хвои и сочащегося смолой древесного спила не будоражил воспоминания.

Когда же она перестала любить самый дорогой свой праздник? Тогда, когда за праздничным столом она осталась в полном одиночестве и выла под бой курантов, комкая край нарядной скатерти? Или как раз в тот неожиданный момент, когда ударил ей в нос этот самый запах свежеспиленного дерева, пришло отвращение? Точно и не скажешь. Все смешалось, наслоилось друг на друга, и отделить теперь одно ощущение от другого вряд ли возможно. Да и не хочется, если честно, опять больно очень будет.

Раньше, когда живы были папа, мама и ее любимый муж Ванечка, она обожала Новый год. Они начинали готовиться к празднику за месяц. Да что там за месяц! Сразу после ноябрьских праздников и начинали готовиться. Составлялось праздничное меню, над обсуждением которого все домашние ломали голову, дополняя, вычеркивая, советуя. Потом потихоньку покупались продукты. Сначала жестяными бан-

ками обрастали кухонные полки, потом – вакуумными упаковками, а чем ближе к самому празднику, то уже и мясо приобреталось, непременно гусь, а однажды даже был куплен молочный поросенок. И еще, конечно, мандарины. Покупали их они ведрами, и никогда не бывало много. Забивали ими все до единой вазы для фруктов. Громадный стеклянный куб в гостиной, служивший столом для газет, переворачивался на попа и набивался мандаринами под завязку. И пахло в доме так чудесно, так празднично: мандаринами, пирогами, жареным по исключительным специальным рецептам мясом, зеленым луком и свежими огурцами. И хвоей, конечно же, тоже пахло, и нравилось это тогда, очень нравилось.

Они с Ванечкой вместе наряжали мохнатую красавицу, оспаривая друг у друга место для каждой сосульки, каждого шарика и мишуры. И она тогда подолгу держала в руках каждую еловую лапу, втягивая в себя запах незыблемого праздничного удовольствия, оно же ведь именно так пахло-то. А потом...

Потом был краткий репортаж в новостях с бегло струившимися по экрану фамилиями погибших в авиакатастрофе. Потом буквы бежать по экрану перестали, сменившись тремя телефонными номерами, по которым необходимо было позвонить родственникам погибших для каких-то там нелепых уточнений. Что можно было уточнить, если погибли все! Все до единого, включая экипаж!!!

И все! На этом все и закончилось. Закончилось ее счастье, безмятежное ожидание дня грядущего, закончилось ожидание самого любимого из самых милых праздников. Она больше не наряжала елку, не закупала продукты, не составляла меню и почти ничего не готовила к праздничному столу. Зачем?! Для кого?! Друзья и родственники усиленно зывали ее ежегодно в канун тридцатого декабря. Пытались растормошить, взбудоражить, заставить очнуться, она отказывалась:

– Я привыкла Новый год встречать дома.

Она нисколько не лукавила, отвечая на приглашение отказом. Это было так. Каждый раз, из года в год – только дома. Только в родных стенах, с родными людьми. Она привыкла...

От прежних привычек мало что осталось. Только вот мандарины она по-прежнему покупала. Не так много, как раньше, но покупала, по той же самой привычке переворачивая стеклянный куб.

– Здравствуйте, Настя.

Из двери соседней квартиры вышел небритый, никогда не улыбающийся мужик, сунул в карман зимней куртки с меховым капюшоном пачку сигарет, похлопал себя по карманам, словно искал что-то, но вдруг опомнился, повернулся к ней и буркнул:

– С наступающим вас праздником.

– Здравствуйте. Спасибо. Вас также, – ответила она тихо,

совсем не помня, как зовут нового жильца.

Знала, что они переехали с полгода назад, может, чуть больше. Знала еще, что скандалили с женой постоянно. Слышимость в их доме была исключительная, стена их спальни соседствовала со стеной спальни Насти. Хочешь не хочешь, а узнаешь, как ненавидит она похотливого козла, а он видеть не может безмозглую стерву.

Еще у них был сын, подросток. Машина, кажется, какая-то имелась, потому что сосед постоянно крутил на пальце ключи. А вот как зовут его...

Нет, она не знала или не помнила, черт его знает. Жену вроде бы Леной звали. Он часто называл ее по имени. Сына – точно знала, что Тимур. А вот самого хозяина ей не представили. Неудобно как-то получалось. Он ее всегда – Настя, Настя, а она...

– Послушайте, извините меня, пожалуйста. Вы не скажете, как вас зовут? Как-то неудобно, вы мое имя знаете, а я ваше – нет... Может, вы и представлялись когда-то, а я забыла. Извините.

Панкратов уже успел опустить ногу на одну ступеньку, решив, что не поедет сегодня лифтом, а пойдет пешком. Ему требовалось немного привести себя в чувство после очередных откровений любезной сердцу супруги, начитанных ему полчаса назад по телефону. Досчитать до сотни или до тысячи, к примеру, лишь бы перестать сжимать кулаки в карманах и перестать ненавидеть мать своего сына так люто, так

остро, что все чаще хотелось ее удавить.

Девушка из соседней квартиры совершенно неожиданно окликнула его. Обычно рот ее едва размыкался для скупого приветствия. И смотреть-то на него она почти не смотрела, а все больше – мимо. А тут вдруг имя его ей понадобилось. Позабыла, говорит! А он и не представлялся ей никогда. А ее имя он узнал из сводок. Просто как-то с перепугу или от безделья сделал запрос на свою соседку и получил скупую казенную информацию, от которой у него моментально взмокла спина. Он тут же и неприязненную отчужденность ей сумел простить, и то, что однажды она захлопнула дверь у него перед носом, отказав в кружке сахара.

Настя похоронила всю свою семью! Вернее, то, что осталось фрагментарно от ее родных, то, что смогли собрать, что уцелело в той жуткой катастрофе. Мать, отца, мужа, с которым не успела дожить до трехлетнего юбилея их свадьбы. Она осталась совершенно одна. Ни с кем из соседей, как он потом узнал из бестолковой болтовни своей жены, она не общалась. На субботники во двор выходила регулярно, но, отмахав положенное время метлой, уходила, так и не обмолвившись ни с кем ни словом.

– Гордячка хренова! – фыркала Лена, успев за полгода окружить себя целой толпой сплетниц, полирующих задницами дворовые скамейки. – Много о себе понимает! Ей бы судьбу свою устраивать, мужика себе найти, дите родить, а она от всего мира отгородиться хочет. Так и останется одна,

годы идут, а гля- нуть-то особо не на что!

Здесь супруга Панкратова привирала безбожно. Настя была очень симпатичной, очень. Среднего роста, светловолосая, с пронзительными черными глазищами, тонкой талией и такой потрясающей попкой, что...

Короче, Панкратов очень долго и очень честно пытался оставаться безучастным.

Ну, живет по соседству с ним – из двери в дверь – девушка, и что? Ну, одинокая, ну, симпатичная, ладненькая, и что дальше-то?! Зайти порой к ней хочется, да? Хочется позвонить в ее дверь, обходя свою стороной, и переступить порог? Ну а дальше-то что? Что?!

Дальше ничего у Панкратова не выходило. Ничего романтического, красивого, испепеляющего и обжигающего изнутри вырисовываться не хотелось.

Настя оттолкнет его, в лучшем случае. В худшем – закричит или даже ударит. И плевать ей наверняка на его нежность, от которой его начинало трясти, как подростка. Ладони становились липкими, когда он стоял позади нее в лифте или возле дверей на лестничной клетке. Плевать на то, что он часами не мог заснуть, высверливая воспаленными от темноты глазами в общей стене их спален дырки. И уж, конечно, она совсем не была обеспокоена тем, что он вот уже как три месяца не может спать со своей Ленкой из-за нее.

Ей плевать на него, на его чувства, на то, что его брак, как подбитый корабль, стремительно идет ко дну, и ему просто

необходимо сейчас что-то изменить в своей жизни, что-то нужно предпринять, срочно, чтобы выжить, или хотя бы начать пытаться. А как без нее? Без нее-то не получится.

– Меня зовут Сергей, Настя. Панкратов Сергей. – Он вернулся, встал с ней рядом и протянул руку – идиот – как боевому товарищу. И снова повторил: – Сергей...

– Очень приятно. – Она раздумывала минуты три, прежде чем решилась снять варежку и вложить свою ладонь в его пальцы. – А я Настя.

– Мне тоже очень приятно. Вы... Вы как поживаете, Настя?

Еще раз идиот! Панкратов едва не застонал вслух от своей косноязычной тупости. Ничего умнее не придумал, как о ее житье-бытье спрашивать?! Знает ведь все доподлинно: работа- дом, дом-работа, магазины и редкие визиты к родственникам. Больше ничего в ее жизни нет. Нет места чему-то еще. Какого, интересно, ответа он ждал?

А ответ неожиданно его сразил.

– Я... Я очень плохо поживаю, Сергей. – Ее ресницы часто-часто затрепетали, пытаясь проморгать застаревшее горе. – Очень! Новый год скоро, а я... Я ненавижу его теперь! Такая непроходимая глухая тоска... Господи, что я несу?! Простите, мне пора...

Она выдернула свою ладонь из его пальцев, повернулась к нему спиной, быстро вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла в свою квартиру.

Настя почему-то замешкалась и дверь не толкнула ногой, чтобы та захлопнулась. Она же всегда так делала: заходила и, прежде чем пристроить пакет с сумкой на столике под зеркалом, пинала дверь ногой. А сегодня не стала. А когда повернулась, успев стянуть с головы шапку вместе с резинкой для волос, он уже вошел. Вошел, закрыл за собой дверь и стоял теперь, привалившись к ней спиной.

– Сергей? Вы... Вы что тут делаете? – Она растерялась, начав растягивать резинку для волос в подрагивающих пальцах. – Вы вошли без приглашения, вам не кажется?

– Кажется, – согласился он покорно. – Но еще мне кажется, что я его никогда не дождусь.

– В смысле?!

– В смысле: приглашения не дождусь. А мне бы этого очень хотелось. Вы, Настя... Вы удивительно хрупкий и ранимый человек, я очень боюсь вас обидеть, напугать и... Можно, я все-таки произнесу то, что хочу сейчас сказать? Не хочу мямлить, как герой из мелодрамы, который всегда замолкает в самом неподходящем месте, оставив все самое главное и нужное недосказанным. Можно, я вам все скажу?

Что ей делать с ним? Она не испугалась, нет. Не в лесу же! Не разбойник вооруженный напротив, бояться особенно было нечего, но...

Но она почти знала, что он скажет. Почти догадывалась. Последние две недели отчетливо слышала из-за стенки, как орал он своей жене, что не любит ее, не хочет так больше

жить, что так невыносимо и нужно что-то менять и он готов.

– Я не готова, – произнесла она вслух, покачав головой. – Сергей, я... Я думаю, что я не готова услышать от вас что-то такое... Вы можете ошибаться, а мне... Мне во второй раз просто не пережить каких бы то ни было потерь, я...

– Вам нужно попытаться просто жить, понимаете! Просто начать жить, Настя! Я все последние месяцы думаю постоянно о вас. Вернее, ни о ком другом я просто не думаю, только о вас. Мне очень трудно сейчас. Очень!

– Вам не кажется, что роман с соседкой отдает пошлостью?

Его нужно выгнать! Нужно обойти его слева. Открыть замок и выставить его вон, пока его жена не вернулась с работы. Пока не застучала его, выходящего из ее квартиры. И не устроила один из своих безобразных скандалов, на которые она была мастерица. Нужно все это сделать, чтобы прекратить эту непристойность. И чтобы этот небритый неулыбчивый мужик перестал смотреть на нее так, что сводит коленки. И замолчал бы наконец, перестав нести вздор о каких-то там неожиданно вспыхнувших чувствах.

– Господи, Сергей, какая любовь?! О чем вы говорите?! – Она отвела от него взгляд с одной лишь целью – не уступать ему, удержаться. – У вас семья, сын. Как вы представляете себе наши отношения? Вы станете шастать ко мне, когда их нет дома? Станете прислушиваться к звукам поднимающегося лифта, прежде чем выйти из моей квартиры? Станете в

глазок обследовать лестничную клетку, прежде чем открыть дверь? Это гадко!

– Да, гадко. Но я не так хочу.

Панкратова скрутила такая непроходимая тоска, что хоть бейся головой о ее металлическую дверь. Она думает о нем как о мерзавце. Он для нее – обнаглевший самец, и только. Обнаглевший, небритый, уставший от дома и семьи самец, которому вдруг взбрело в голову завести интрижку со своей симпатичной соседкой.

– Я хочу, чтобы все было не так. По-другому хочу, Настя.

– Как?

– Я уйду от нее.

– Ко мне?! Но позвольте!.. Я имя-то ваше узнала десять минут назад, а вы такие вещи мне говорите! Уходите! Уходите, Сергей.

И она обошла-таки его слева. И замок начала открывать, хотя разволновалась и пальцы чуть подрагивали.

Нужно, нужно, нужно срочно выставить его из квартиры. Пускай уходит на все четыре стороны! К жене, к сыну, к своим домашним тапкам и любимому, продавленному его задом креслу. Пускай оставит ее в покое! В том самом гнетущем, опустошившем за минувшие годы душу и мысли покое. В покое, заставившем ее позабыть, что она – женщина!

Черт бы все побрал на свете! Все не желающие долететь до земли самолеты!!! Все погубленные чужие жизни!!! Все потухшие судьбы, оставшиеся существовать на земле! Все

обеты никчемной верности! Верности меркнувшим призракам. Все те праздники, которые умоляешь обернуться скорым сновидением, чтобы они не тянулись так долго!

– Настя... – Его руки легли ей на плечи, и Сергей потянул ее на себя, подальше от двери и не поддающегося ее пальцам замка. – Настя, не надо...

Как же быстро!

Она совершенно успела позабыть за минувшие после катастрофы годы, какими сноровистыми и умелыми могут быть мужские руки. Как незаметно они могут расстегнуть зимнюю куртку и швырнуть ее куда-то к ногам. И как пальцы обжигают кожу, она тоже позабыла. И губы – какими они могут быть настырными, а щетина – совсем не грубой. Она все позабыла, все! И только теперь поняла, как скучала без всего этого. Как ей не хватало именно этого безумного натиска, этих пустых слов, выдыхаемых судорожно сведенным ртом. С неузнаваемой, не свойственной ей ненасытностью она хватала его за плечи, бедра, стягивала с него растянутый мешком свитер. Бесстыдно дергала за ремень на джинсах и стаскивала их с него, опустившись перед ним на колени. Жадно захватывала его губы своим обезумевшим алчным ртом и что-то тоже шептала, шептала, шептала ему в ответ. Что-то, во что неумолимо верилось...

– Настя, – Панкратов накрыл ее губы ладонью, когда она, оттолкнувшись от стены, попыталась что-то сказать. – Ты только ничего сейчас не говори, хорошо?

Она пожалала плечами, оглядываясь. Свалка из их вещей в прихожей получилась внушительная. Как они успели так стремительно раздеться, ума не приложить! словно ураганом сорвало с них джинсы, свитера и ботинки. Как вихрем!

Ничего не говорить...

А что она может ему сейчас сказать? И что ответить, если он ее о чем-то спросит? Да ничего! Все произошло слишком стремительно, слишком, чтобы это могло поддаваться каким бы то ни было обсуждениям и анализам. Да и стоит ли? Он сейчас оденется. Осторожно выглянет из-за двери и уйдет. Он ведь куда-то собирался, когда она окликнула его. Может быть, даже встречать свою жену с работы. Вот и пойдет доделывать то, от чего его так некстати оторвала выбившаяся из-под контроля страсть женщины, живущей по соседству.

Штаны он застегивал, повернувшись к ней спиной. Долго чертыхался, пытаясь застегнуть ремень, шнуровал зимние ботинки тоже с неудовольствием на лице. Настя одеваться не стала. Продолжала стоять голой посреди прихожей и смотреть на него со смесью вины и сожаления.

– Не смей на меня так смотреть! – вдруг рявкнул он, хватая ее за спину и привлекая к себе. – Не смей сожалеть! Не смей считать себя виноватой в чем-то! Никто... Запомни! Никто и ни в чем не виноват! А ты... – Он потерся заросшей щекой о ее плечо, провел губами по выпирающей косточке ключицы. – Ты потрясающая! Я просто обожаю тебя, Настя! Просто обожаю!!!

И он ушел. Ушел, свободно распахнув ее дверь, совсем позабыв припасть к дверному глазку и обезопасить пути своего ухода. И лифт он совсем не слушал, а она-то придумала... А потом и вовсе! Вышел на лестничную клетку, двинулся к ступенькам, потом вдруг остановился, что-то вспомнив. Снова похлопал, как и давеча, себя по карманам куртки. Не нашел. Поднял глаза на нее, указал на ее голое плечо, выглядывающее из-за двери, и погрозил пальцем:

– А ну-ка, быстро оденься! Не хватало еще, чтобы ты заболела в новогоднюю ночь. Кстати, ты в курсе, что я собираюсь встретить Новый год с тобой?

– Нет.

Она мотнула растрепанной головой, не понимая, почему он совсем не соблюдает конспирацию и говорит достаточно громко. Достаточно для того, чтобы его слышали соседи из квартиры напротив. Или его жена, если она успела к этому времени вернуться.

– Ага. Так вот знай. И с работы я сегодня приду к тебе, – пообещал Панкратов и тут же полез за надрывающимся мобильником, на котором высветился телефон начальника управления. – Правда, не знаю, во сколько я вернусь...

* * *

– Дрянное дело, Серега. Очень тухлое и дрянное, – подвел черту под экстренным совещанием, закончившимся око-

ло девяти часов вечера, его соратник по оружию Ванек Воронин.

– Почему ты так думаешь? – спросил Сергей, сам не понимая, о чем спросил.

Панкратову было плевать, что именно и в какой связи думает теперь Ваня Воронин. Он думал только о Насте, только о ней одной, и о том еще, что сегодняшнюю ночь он проведет уже в ее кровати. Целая серия грабежей, которые совершали наглые налетчики, переодетые Дедами Морозами, причем уже вторую неделю, его, конечно же, волновала, но не настолько, чтобы вытеснить из мыслей Анастасию. На совещании он скорее присутствовал, чем слушал, думал и сопоставлял. Его даже начальник пару раз одергивал. Теперь вот Воронин привязался.

– А ты как думаешь, Сереж? – Иван округлил голубые глаза. – Ты как думаешь?

А он никак не думал, вот! Правильнее, он о грабежах не думал, а все больше о Насте. Грабежи – они были, есть и будут. Да, неприятно, что канун Нового года в городе омрачен наглыми вылазками каких-то отморожков. Да, скорее всего, накрыть эту банду будет нелегко. Да, имеются уже и жалобы от пострадавших, считающих, что милиция бездействует. Но так ведь было всегда. Пострадавшие очень редко переключивали в разряд благодарных.

Даже если преступление раскрывалось, Панкратову редко кто говорил спасибо. Почему? Да потому, что он лез в душу

с погаными ментовскими вопросами, все больше нехстати, на их взгляд. Потому что очень медленно работал. Потому что вернуть награбленное редко кому удавалось: поделено, сбыто и пропито между преступниками давно уже все оказывалось к тому моменту. Много набиралось этих «потому что» за его многолетнюю практику, очень много. Вот он и привык не видеть за работой чужих эмоций. Его теперь все больше свои эмоции интересовали.

– Вот смотри, Сереж, что говорят свидетели, – не хотел униматься Ваня Воронов, хватая направившегося к выходу Панкратова под локоток. – Дедов Морозов, по описаниям, всегда трое! Один очень высокий и плотный. Второй чуть ниже и похудошавее, а третий – совсем щуплый и низкорослый. О чем это говорит?

– О чем? – рассеянно отозвался Панкратов, чтобы не молчать вовсе.

– Думаю, третий Дед Мороз – женщина!

– О как! А может, и не женщина вовсе, а подросток? Или щупленький такой мужичонка, язвенник какой-нибудь. Почему непременно женщина, Ваня?

– Так след от сапога очень характерный. Маленький.

– И что? А подошва характерна для мужской обуви. Разве не так говорили на совещании? Так! Потому и говорю, что это может быть либо мелкий мужик, либо пацан совершенный. А что дело дрянь, тут я полностью на твоей стороне. Попробуй вычисли их в таком-то гриме! Сейчас ведь

по городу эти Деды Морозы стаями бродят. Не станешь же их всех хватать и тащить в отделение на проверку? Нет, конечно. Мероприятия посрываешь, потом штрафные санкции еще выставят. Они же не за так поздравляют детей, стариков и прочих. Н-да... Наружное наблюдение тоже по всем дворам не расставишь. Где их столько набрать-то? И ведь по районам выстреливают бессистемно, мерзавцы! Никакой паутины, никакого порядка. Будто шли, шли и набрели случайно.

– Ну, не так уж и случайно, – не согласился Иван. – Двери-то выбирают, что подороже.

– Это да, – не стал спорить Панкратов. – Выбирают, звонят, если не открывает никто, начинают действовать. А если открывают, начинается балаган с новогодними поздравлениями. Все умно, все лихо. Тухлое дело...

– Вот и я о том же! – обрадовался Воронов тому, что старший наставник наконец-то его поддержал, перестав сидеть как сомнамбула. – Если они сами не проколются, нам их не взять, Сереж. Кстати, я все хотел тебя спросить...

– Чего? – Панкратов оглянулся на коллегу, тон у того поменялся, стало быть, сейчас начнет в душу лезть.

– Ты что это такой сегодня на совещании сидел?

– Какой?

– Ну... Как пыльным мешком ударенный. Глаза такие томные, томные, и зевал через раз. Ленка имела счастье застать любимого супруга врасплох? Примирение состоялось?

Я не ошибаюсь?

– Ошибаешься.

Панкратов криво ухмыльнулся: посвящать друга в подробности своего неожиданного секса с соседкой он не собирался. Табу на все, что связано с Настей, для посторонних. Ни глаз, ни ушей он не допустит до того, что так неожиданно и зыбко наметилось. Ревностным суеверием отдавало, ну и пусть. Это только его и ее, и ничье больше.

– О-о!!! Кажется, я что-то пропустил в этой жизни! – Воронов хитро заухмылялся, ткнув его в бок локтем, когда нагнал возле двери. – Наш Серж, кажется, нашел-таки себе подружку! Надо же, надо же, не прошло и пятнадцати лет застойного супружества, чтобы он наконец созрел до...

– Слушай, Ваня! – зубоскальства в адрес Насти он не потерпит тоже и, уж конечно, не хочет знать, каким именно словом обозначит Воронов их отношения. – Замолчи, а! Если не хочешь получить по башке, замолчи.

– Понял. Понял, брат! – Воронов саданул его по плечу, дурашливо пропев: – Это любовь, это точно! Это любовь, да-да, конечно! Это любовь, ого-ого!.. Ну пошли, что ли, по домам?

По домам разойтись у них так и не вышло. Стоило спуститься на первый этаж и дойти до дежурной части, как их тут же остановили. В пригороде произошло убийство, нужно было выезжать. Пока дождались машины, которая уехала на заправку и словно провалилась прямо там в нефтяную сква-

жину; пока расселись, пока дождались прокуратуру... Выехали наконец, потеряв почти час. Осмотр места происшествия, опрос возможных свидетелей – все заняло так много времени, что к дому Панкратова доставили, когда уже ночные звезды начали меркнуть.

Гигантскими прыжками перескакивая через две ступеньки, Сергей поднялся на свой этаж и с бешено колотящимся сердцем застыл возле дверей. Звонить к Насте или нет? Начало четвертого, спит наверняка. Что делать-то? Может, отложить визит до утра? Хотя и утро уже не за горами. Утро, когда она станет собираться на работу. Станет бегать по квартире с зубной щеткой за щекой, роняя огромные кляксы зубной пасты на пол. Потом будет хватать, обжигаясь, термобигуди из старого закопченного ковшика. Чертыхаться, нервничать, покрикивать на него...

Так, стоп! О чем и о ком это он?! Это же все про Ленку, не про Настю! Это его жена так отвратительно начинает каждое утро. Звонить или нет в дверь?...

– Ты что тут стоишь, не пойму?!

Ленка! Какого-то черта поднялась с постели в половине четвертого, открыла дверь и таращит теперь на него сонные злые глаза.

– Я? – Панкратов, пойманный врасплох в момент запретных размышлений, растерялся. – Ничего я не стоял. Только поднялся. Ключи вот ищу.

И для пущей убедительно он похлопал себя по карманам.

– А-а-а, ну входи, что ли, – буркнула Лена, чуть шире распахивая дверь и отступая внутрь прихожей. – Не май месяц на дворе. Морозно...

Он смалодушничал и зашел в свой дом, а ведь не хотел, не хотел! И крался потом по собственному дому, как преступник какой-то. Все боялся, что Настя услышит его, хотя ведь спать была должна. В кровать ложился, боясь скрипнуть лишний раз застаревшей пружиной. И бога молил, чтобы Ленка молчала. Чтобы уснула она, едва улеглась ее голова на подушку. Он потом, завтра все объяснит Насте. Почему не стал в дверь звонить. Почему уснул на своей кровати. А может, и просто, без объяснений, зайдет в ее квартиру и останется там насовсем.

Утром он собрать свои вещи не успел. Проспал, не услышав будильника, хотя и завел его на полседьмого. И Настин уход на работу тоже проспал. Долго звонил в дверь, ему никто не открыл. А номер телефона спросить не додумался, когда подбирал свои вещи в ее коридоре. Или умышленно не спросил, из боязни, что фраза «я тебе позвоню» прозвучит банально. Теперь вот карауль ее. А ведь разве укараулишь? И как укараулить, если не успел он заявиться на службу, как его сразу отправили на происшествие. Потом поступил сигнал, что в местном парке видели подозрительного мужчину, по приметам походившего на маньяка, давно и безуспешно разыскиваемого всей местной милицией. Выезд никаких результатов не дал, но сама дорога и опрос очевидцев заняли

так много времени, что домой Панкратов вернулся ближе к полуночи.

Прежде чем войти в подъезд, он долго стоял во дворе и курил, посматривая на ярко освещенные окна Анастасии. Она была дома! Ну что же, ну что же. Значит, так тому и быть. Сейчас он зайдет к себе, соберет все необходимое в любимую дорожную сумку с трижды пришитой ручкой и без дополнительных соглашений и разрешений пойдет к Насте.

Семья... Его семья, которую он сегодня собирался оставить раз и навсегда, странное дело, его дожидалась. Тимур сидел, насупившись, в своей комнате за компьютером и резался в какую-то отвратительную «стрелялку». На вопрос отца, почему не спит, буркнул, что не хочется, и даже головы не повернул в его сторону. Панкратова это не удивило. С сыном они давно не ладили, разойдясь в вопросах воспитания.

Прикрыв дверь, он пошел в свою спальню и неожиданно наткнулся в гостиной на Елену. Это было более чем странно. К этому часу супруга обычно пребывала в кровати, либо спала, либо читала что-нибудь. А теперь сидит в углу дивана нахохлившейся вороной, при полном параде, то есть в блузке, юбке и зимних сапогах. А как же любимая пижама, успевшая растянуться до размеров парашюта? Как же слой жирного крема на щеках? И в сапогах – в гостиной! Это вообще... Она же его гоняла, если он на шаг заступит с придверного коврика – схватить пачку сигарет с полки. А тут вдруг при одеждах да возле полуночи, непонятно...

– Ты чего здесь? – буркнул Панкратов и тут же, не дав ей ответить, спросил как бы мимоходом: – Где моя сумка дорожная?

– Сумка? – Ленка глянула на него затравленным зверьком и тут же принялась натягивать юбку на острые коленки. – Дорожная? А зачем тебе сумка? Уезжаешь?

– Нет, не уезжаю. Ухожу. Так где?

Она спрыгнула с дивана очень резво и попыталась поднять сиденье. Панкратову пришлось ей помочь. Сумка была в диване. Он выхватил ее, осторожно вернул на место диванное сиденье и без лишних слов двинулся в спальню. Открыв шкаф, подумал минуту и начал скидывать на кровать стопки своих трусов, маек, штанов и свитеров. Что поместится, то и поместится. А что не влезет, он потом заберет, благо нести недалеко.

Супруга вошла минут через десять. Он уже успел набить сумку под завязку, застегнуть молнию и вернуть неуместившиеся вещи обратно на полки, сунув их туда комком.

Она вошла, прикрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, выдохнула с горечью:

– Значит, и в самом деле уходишь.

– Ага. Ты давно хотела со мной развестись, вот твое желание и исполнилось. – Взяв сумку под мышку (ручка снова оказалась оторванной), он пошел прямо на нее. – Только, Лен, давай без истерик, хорошо? Не нужно орать, обзывать-ся, я принял решение и менять его не собираюсь. Идет?

– Идет, – кивнула она согласно. – Только уж скажи, где тебя искать, если что? Мало ли зачем ты понадобишься мне или Тимуру. Так куда... Вернее, к кому ты уходишь, Сережа? Ты ведь не на вокзал и не в гостиницу, правильно я поняла? Ты же к женщине от меня уходишь?

– К женщине, – не стал он врать.

– Ага... Я так и думала... – Сухие бескровные губы жены мелко задрожали. – Ну что же, пусть будет так. Уж лучше так – честно. Я могу узнать, кому отдаю своего законного мужа? К кому ты уходишь?

Врать смысла не было. Они могут утром столкнуться возле лифта или вечером по возвращении с работы.

– Я уйду к нашей соседке. К Насте, – ответил Панкратов и сделал еще один нетерпеливый шаг. – Так я пошел, Лен?

Она не тронулась с места. Сжалась вся, сгорбилась, потом спрятала лицо в ладонях и пробормотала сдавленно:

– На твоём месте я не стала бы так торопиться, Сережа.

– Ой, вот только не надо, Лен!!! Только не надо! – он не хотел, но снова повисил на нее голос. – Обещала отпустить меня без истерик!

– Нет никаких истерик, но торопиться тебе не нужно. – Ее руки безвольно упали, спина поползла по двери, и его жена с каким-то тупым звуком опустилась на пол.

– Почему?!

Ну, вот что было делать теперь, а?! Хватать ее в охапку, оттащить от двери, а если она начнет за него цепляться,

рыдать? Вот черт! Никогда не думал, что уйти от жены окажется таким сложным делом. Никогда же раньше не пробо-вал.

– Почему мне не стоит торопиться, объясни! Между нами давно уже все кончено, Лен! Уже года два, как все остыло, почему не стоит торопиться!

– Да потому! – Ее обмякшее тело напряжинилось, а лицо сделалось привычно злым и очень неприятным. – Потому что торопиться тебе не к кому! Нет ее, понял! Нет твоей Насти!!!

– Что ты мелешь, дура?! У нее свет горит во всех окнах. Она дома, – он поморщился, сочтя, что это очередная уловка его супруги. – Она дома, Лен. Дома...

– Нет ее, Сережа, – жена качнула головой. – Свет горит потому, что там кто-то из ее родственников.

– А Настя где?

Он поверил ей почему-то. Не стала бы она врать, рассудил он, так мелко и неубедительно. Он ведь может в любой момент проверить, позвонив в соседнюю квартиру.

– Настя... А Настю часа три назад увезли в больницу. – Ленка подобрала коленки повыше, легла на них щекой и продолжила без какой бы то ни было злобы или неприязни: – Увезли, как говорят, с черепно-мозговой травмой. Вроде родственница ее нашла. Приехала в гости к Насте, смотрит, дверь ее квартиры приоткрыта, она распахнула ее, а на пороге – хозяйка, вся в крови. Вот так-то, Сережа, а ты ухо-

дить к ней собрался. Не рановато ли?

Выдержка все же ей изменила, и последний вопрос был обильно одобрен ядом. Он даже не почувствовал, как выскользнула сумка из рук. Не помнил, как отволол в сторону брыкавшуюся Ленку, как потом перешагнул через нее, ударив дверью, которую та подпирала, по ее бедру. Ничего не соображал, врываясь в соседнюю квартиру, дверь в которую так и осталась незапертой.

– Где Настя?! – свистящим шепотом обронил он, нависая над пожилой женщиной, сидевшей в кухне и с задумчивым видом тянувшей из красивой чашки чай. – Где она?!

– Кто вы такой? – Она не испугалась его, просто вздрогнула от неожиданности, пролив чай на стол. – Почему врываетесь без стука в чужую квартиру к чужому человеку? На часы смотрели, молодой человек?

– Она мне не чужая! Где она?! – Он совершенно потерял рассудок, с силой ударив кулаком по столу. – Мне только что сказали, что она... Что ее увезли в больницу?!

– Кто сказал? – Выдержка у женщины была потрясающей, неожиданный стук по столу ее не вывел из равновесия, лишь заставил поморщиться.

– Жена моя сказала!

– Жена? – Губы незнакомки сложились в скептическую гримасу. – Странно, не находите? Настя вам не чужая, как вы утверждаете, хотя вы ей явно не родственник. Я ее тетка и всю родню знаю, как свою пятерню. Не чужая, и тут вдруг

какая-то жена. Как это понимать?

– А понимать это надо следующим образом! – Панкратов выдернул из-под стола табурет и сел на него, уложив локти на стол. – Я люблю ее. И собирался к ней уйти сегодня. А жена... Она как бы уже бывшая.

– Как бы! – фыркнула противная тетка. – У моей девочки в жизни и так не все сложилось лучшим образом. Она пережила страшную трагедию. Теперь вот это странное, жутковатое происшествие. И тут вы еще валитесь ей на голову со своим семейством. Ах да, да, с бывшим семейством. Дети-то наверняка имеются?

– При чем тут дети?! И не валюсь я никуда! Я просто люблю ее, что, сложно понять?!

– Знаете, сложно. – Она ухмыльнулась недоверчиво, поставила опустевшую кружку на стол, скрестила руки на груди и уставилась на него, словно кожу с него снимать собиралась. – Еще вчера утром я говорила с ней по телефону, задавала обычные вопросы, получала обычные ответы, и там не было и намека ни на какую любовь.

– Утром и не было, – пробормотал Панкратов глуховато. – А потом появилось.

– Когда, если не секрет?

– Часов в пять, шесть, я не засекал. Она тоже. Нам хорошо было вместе. – Ему сделалось неловко под ее мудрым осуждающим взглядом. – Я не могу вам сейчас всего объяснить...

– Зато я могу! – перебила она его неожиданно и с гневным

напором. – Зато я теперь могу указать милиции на возможного подозреваемого! И знаете, кого я подозреваю?

– Да в чем, в чем подозреваете-то?! Толком расскажите! И кого вы подозреваете?!

– Подозреваю вашу жену в том, что она тяжелым тупым предметом нанесла сильнейший удар сзади моей племяннице по голове!

– Значит, Настю... – Панкратов даже застонал вслух, перепугавшись так, что его затошнило. – Вы хотите сказать, что Настю кто-то ударил сзади?!

– Да!

– А где? На лестничной клетке или в квартире? – тут же проснулся в нем въедливый мент. – Где был нанесен удар этим предметом? С ней все в порядке?

– К счастью, она была в шапочке, и это сильно смягчило удар, иначе... – В лице женщины что-то надломилось, и она отчетливо всхлипнула. – Бедная девочка! Сколько испытаний, сколько испытаний!.. Так, мне теперь все ясно. Это точно ваша жена ее огрела, раз вы собирались ее бросить из-за Насти. Больше никому! Настенька никому не делала зла. Дружбы ни с кем не водила, на работе ситуация совершенно бесконфликтная, поскольку работает она в моей фирме... Надо довести до сотрудников, где-то у меня визитка этого следователя...

Она покопалась в сумке, которую выудила из-под стола с соседней табуретки, достала мобильник, потом визитку, но

номер набрать не успела. Панкратов грубо выдернул визитку у нее из пальцев.

– Погодите торопиться-то, ну! – пришлось ему прикрикнуть на нее, он быстро прочел фамилию на прямоугольной картонке. – Вот, и фамилия мне знакома. Коллега это мой. Мы сейчас с вами попытаемся воссоздать ситуацию, поразмыслим, и, если не придем к консенсусу, вы позвоните Геннадию. Если придем, то... То вы отвезете меня в то больничное отделение, куда отвезла Настю «Скорая». Идет? С ней и правда все в порядке, вы ничего от меня не скрываете?

– Не смертельно, – скрипнула противная тетка, возвращая себе визитку не очень вежливым жестом. – Так вы тоже милиционер? Ну все, торжества справедливости теперь не дождешься! Уж свою жену вы точно выгородите!

– Не собираюсь я никого выгораживать. – Панкратов полез во внутренний карман зимней куртки, достал пачку сигарет с зажигалкой и швырнул их на стол. – Курить позволите?

– Курите.

– Спасибо... Так вот, выгораживать я никого не собираюсь, но и несправедливых обвинений не потерплю. Ленка не могла знать о наших с Настей отношениях. Я сказал ей о своем решении уйти от нее к Насте десять минут назад.

– Она могла знать! – упрямилась женщина.

– Не могла, в том-то и дело! Потому что не было никаких отношений! Не было до вчерашнего дня. Я... Я давно любовался Настей, и разговор неоднократно пытался завести, она

– ноль! А вчера... Вчера все было так неожиданно, как-то вспыхнуло все, и... Короче, все произошло прямо у порога! Уж простите мою откровенность.

– Ага... – пожилая женщина снова недоверчиво ухмыльнулась. – И вы хотите сказать, что после разового полового акта с моей племянницей, свершившегося прямо на пороге ее квартиры, вы решили оставить свою семью? Бред! Вы сами-то понимаете, что несете?!

– Нет, если честно. Но это так. Когда я уходил, сказал ей, что с работы вернусь к ней, и только к ней.

– Что же не вернулись? – поддела она его.

– Так я вернулся в четвертом часу утра. Был на происшествии. Побоялся побеспокоить. С утра проспал. Звонил, звонил в дверь, она не открыла. Уже ушла. А сейчас сумку собрал, а Ленка говорит... Короче, сначала она спросила, к кому я уйду. А когда сказал – не спеши, говорит. Ее увезли в больницу. И вот я здесь.

– И вот вы здесь, – эхом повторила родственница Насти. – Странно все как-то... Она сегодня была у меня в кабинете. Мы поговорили. Она ни словом не обмолвилась о вас, но была какая-то... Не такая она была, как всегда. Улыбалась чему-то. Я ведь уже забыла, как она улыбается! Потом принесла мне дурацкую статью про Дедов Морозов, орудующих в нашем городе, наверняка вы слышали?

– Да, это дело сейчас в разработке. А что, статья в газете вышла?

– Да, с предостережением. Чтобы граждане не были излишне доверчивы и так далее. Глупо, на мой взгляд. Эта перодедая шайка ведь ломилась в те квартиры, где никого не было, зачем же тогда предупреждать?

– Ну, здесь я не согласен, – возразил Панкратов. – Сигналы очевидцев в нашем деле – большое подспорье.

– Много вы на них внимания обращаете! – фыркнула она. – Ваш коллега позвонил в две двери, там никто и ничего не видел, с тем он и отбыл. Нет бы по всем подъездам пройтись, опросить.

– Так уже было около десяти часов, если не ошибаюсь. Многие спать легли. Вот утром... Кстати, раз уж мы завели разговор об опросе, не согласитесь ли вы ответить на пару вопросов? – Он даже руки на груди молитвенно сложил, чтобы уговорить сердитую тетку Анастасии.

– Хорошо, – кивнула она после недолгих раздумий. – Задавайте свои вопросы...

Отделение травматологии, куда Панкратова не впустили минувшей ночью, снова встретило его запертыми дверями и неужлыбчивыми сердитыми сотрудниками.

– Вот придет врач, с ним и говорите, – отмахивалась от него мокрой тряпкой, наверху на швабру, громогласная уборщица. – Ему решать, к кому можно пройти, а к кому нет.

– Хорошо, а где он? – Ему удалось просунуть лишь голову и часть левого плеча в проем между дверью и притолокой.

– Доктор на операции, вот закончится операция, тогда и

спросите.

– А когда она закончится? – заскрипел он зубами.

– А я почему знаю! Ждите...

Панкратов ждал. Дождался, что называется. Уставший травматолог был категоричен. Настю увидеть не представляется никакой возможности, тем более задавать ей вопросы. Ну и что, что она пришла в сознание! Ну и что, что находится в доброй памяти! Беспокоить ее нельзя, а уж тем более спрашивать о чем-то!

– Позже. Немного позже, молодой человек. Понимаю ваше нетерпение, но... – врач развел руками. – Я сейчас несу ответственность за состояние ее здоровья и...

– Ладно, но ответьте мне тогда, как специалист: могла женщина нанести пострадавшей удар такой силы?

Тетка Анастасии заронила все же ему в душу зерно подозрения, которое за остаток ночи и весь сегодняшний день успешно дало свои всходы. И виной тому была не неожиданная влюбленность в Анастасию, а скорее то, что Ленка отвечать на его вопросы категорически отказалась. Рычала, сквернословила и посылала его по всем мыслимым и немыслимым направлениям. Вообще вела себя как-то странно. Не захочешь – подсядешь на недоверие. И Тимур еще тоже – фрукт. Ворвался в кухню, когда они за завтраком общались в обычной своей манере, и как заорет на него:

– Оставь мать в покое, ты – козел! Сам разбирайся со своими шлюхами!

Панкратов даже возмутиться не успел и догнать пацана, чтобы отвесить ему подзатыльник как следует. Как сидел с набитым подгоревшим омлетом ртом, так и окаменел.

– Вон оно как, – только и смог он выдавить, когда за Тимуром с грохотом захлопнулась входная дверь. – Вон вы как, значит...

– Женщина? – Доктор пожал сухощавыми плечами под белым халатом. – Не знаю, может быть, сила ведь у всех разная. Женщины сейчас много времени проводят в тренажерных залах, и удар у некоторых очень хорошо поставлен. Только это должна быть очень высокая женщина.

– Высокая?

– Да, характер нанесенных ранений свидетельствует об этом.

Высокая женщина, высокая женщина...

Ленка не была очень высокой женщиной, она была чуть выше среднего роста. Настя была выше ее. Чтобы нанести под таким углом удар, ей потребовалось бы тогда встать на что-то. Или...

Или стоять в этот момент на ступеньках, ведущих на следующий этаж. Тогда Настя должна была находиться к ней строго спиной, то есть стоять спиной к ступенькам. А зачем ей так было стоять? Незачем, в том-то и дело! Она всегда от лифта проходила прямо к двери и открывала ее, поворачиваясь спиной к квартире напротив. И по лестнице, если она поднималась, когда лифт игнорировала, тоже так же –

проходила прямо к двери. Стоять спиной к ступенькам, ведущим на этаж выше, Настя не могла. Значит, и Ленка не могла ее ударить. Почему тогда она ведет себя так странно? Только потому, что он уйти от нее к соседке собрался? Может быть, может быть...

Звонок Вани Воронина прозвучал, как всегда, не вовремя. Панкратов только-только попытался додуматься до чего-то. Только, кажется, что-то блеснуло у него в мешанине разных версий, как этот бестолковый малый позвонил.

– Здорово, Сереж, – приветствие прозвучало на вибрирующих нотках, верный признак того, что есть новости. – Будешь в отделе?

– Вряд ли. Дела есть кое-какие.

– А-а, ну-ну, если так, тогда ладно. А то тут кое-какая информация по нашему общему делу появилась.

– По какому делу?! – Панкратов тут же подумал о Насте, хотя это не было их общим делом, это было только его и ничье больше. – По вчерашнему?

– Да нет. Маньяка так и не поймали, Сереж, – ни черта не понял, как всегда, Воронин. – Я про эту шайку переодетую.

– А-а, про Морозов этих гребаных. Так что ты имеешь мне сообщить, Иван Алексеевич?

– Они ведь вчера в твоём районе шастали, прикинь! Успели обчистить четыре квартиры, а на пятой спалились.

– Взяли их, что ли? Не тяни ты резину, Иван!

– Не взяли, а спугнули. Выскочили они из подъезда – ив

разные стороны. Кто куда! Один, по словам очевидцев, в сторону твоего дома побежал, Сереж. Поспрашивал бы соседей. С тобой-то они будут более разговорчивы, сосед все-таки...

Не один, а два, болван, чуть было не оскорбил верного соратника Панкратов.

Два переодетых Дедами Морозами бандита рванули в сторону его дома. Двое их было!!! И один – как раз высокий! И бедная Настя, видимо, нарвалась на них, вернувшись домой.

Так, что же тогда выходит?

Она вернулась почему-то поздно. Это еще предстоит выяснить, где ее черти носили, когда ее намечающийся будущий муж доблестно нес вахту, стоя на страже и ее покоя тоже. Ладно, это все лирика, об этом потом. Так, значит, она возвращается. Подходит к своей квартире, и тут сзади ей наносят удар.

Не выходит! Зачем ее было бить, если она ничего и никого не видела?

Так увидела, значит! Увидела и забила тревогу, проявив бдительность, к которой призывал граждан автор статьи. Она же ее внимательно прочла днем и даже тетке своей показывала.

Что получается теперь? Она увидела переодетых бандитов, хотела поднять тревогу, и ей не дали, ударив по голове. Взяли из рук ключи от квартиры, открыли дверь и втащили бесчувственное тело туда. Тут, правда, могли быть варианты. Настя сама могла перед этим открыть дверь и не успеть

войти. Ее же ударили.

Опять что-то не клеится.

Если она сама открыла дверь, а потом увидела бандитов, то какого черта ей нужно было поворачиваться к ним спиной? Что-то не то...

– Надо разговорить соседей, – пробормотал Панкратов, смоля сигарету за сигаретой в собственном дворе, сидя за рулем давно остывшего автомобиля. – Завтра... Завтра с утра и начну...

Домой идти не хотелось. Да и можно ли считать теперь домом то место, откуда он вчера собрался уйти? Дом – это ведь нечто большее, чем просто стены, окно, мебель и спальное место. Дом – это...

Его должны были ждать там всегда. Ждать злого, уставшего, пьяного. Ждать, любить, надеяться на него. Этого давно уже не было в жизни Панкратова, очень давно. Единственное, на что он еще пока годился для своей жены, – это быть объектом скандала. Персонай, для которой приходилось готовить завтраки и ужины – обедал он дома крайне редко. Ну и еще, быть может, для того он еще там требовался, чтобы поменять прокладку в смесителе в ванной. Починить поломанный выключатель и вынести мусор поздним вечером, если жена и сын не сделали этого заблаговременно. Вечером они выходить из дома боялись. Вечером должен был тащиться с мусорными пакетами к ящикам за углом сам Панкратов.

– Тебе делать нечего! – всегда со злобным фырканьем па-

рировала Ленка, когда он пытался возмутиться, вернувшись с работы измотанным и злым. – Хоть мусор-то вынеси, если ни на что более не способен...

Сегодняшний вечер не стал исключением. У Панкратова просто челюсти свело, когда он открыл дверцу шкафа под раковиной, чтобы выбросить шкурки от сосисок, и снова обнаружил там переполненное мусорное ведро.

– Эй, у вас что, совести нет, да?! – привычно рявкнул он, забыв на время, что вроде уже собрался отсюда съезжать. – Вчера до полуночи тусовались, сегодня еще не спят, а мусора – полна кибитка!

Ленка отреагировала, не в пример себе, удивительно миролюбиво. Материализовалась в дверном кухонном проеме с крепко сжатыми кулаками в карманах домашнего халата. Поглядела на него как-то непривычно. Ах да, он же ей все успел сказать вчера, все он забывает... И тут же обронила, пожав плечами:

– Извини, Сережа. Вчера как-то не до этого было. А сегодня... А сегодня мы с Тимкой уже перед тобой как бы не подотчетны. Хотим – выносим мусор, не хотим – не выносим. Это теперь только наша печаль, не твоя, это уж точно. Никто тебя не заставляет. Кстати, ты уже съехал или нет?

Панкратов лишь досадливо крякнул, присел на корточки и полез за ведром. Утрамбовал мусор, завязал углы темного полиэтилена, выдернул мешок из ведра и без лишних слов пошел в прихожую. Хорошо еще, что переодеться не успел в

домашнее, только куртку с ботинками накинуть и придется.

– Так ты ушел или нет, Сережа? – Ленка шла за ним следом.

– Ушел я, ушел! – огрызнулся Панкратов, с третьей попытки попав в рукава куртки.

– Так съезжай из квартиры, чего тогда!..

– Когда надо будет, тогда и съеду! – снова огрызнулся он и поспешил за дверь.

Ему вот только теперь подобного рода разборок и не хватает, черт возьми! В тот момент, когда дорогой ему человек валяется на больничной койке с черепно-мозговой травмой, ему только и дела, что вступать в подобные дебаты. Именно сейчас, когда мысли заняты строительством новых версий, ему с Ленкой только отношения выяснять! Противная все же она баба! Правильно он сделал, что собрался уходить. И если не к Насте, то все равно куда-нибудь он уйдет. Хоть в общагу милицейскую, хоть на съемную квартиру, но уйдет.

Он вошел в лифт, дождался, пока дверцы с лязгом захлопнутся, нажал кнопку первого этажа и с раздражением швырнул мусорный пакет на пол. Швырнул – и тут же уставился на него с недоумением. Пакет шлепнулся на пол со странным звуком. С тяжелым бряцанием, которое может произвести только что-то металлическое. Интересно, от чего Ленка решила избавиться? Ложки его любимые с вилками, что ли, собрала и выбросила? А что! Запросто в сердцах могла. Она же знает, что Панкратов дорожил своими столовыми прибо-

рами, притащив их аж из родительского дома.

Ох, как он разозлился! Как взбесился, кто бы знал!

Эти ложки и пару вилок – для второго и для рыбы – ему мать еще в детстве покупала, и тронуть их никто не смел, кроме него, ни в детстве далеко, ни в этом доме. А она теперь решила выбросить? Вот сука, а!

Панкратов присел, перевернул мусорный пакет, поморщился из-за крохотной лужицы, натекшей из него на пол лифта, и с брезгливой миной принялся ощупывать низ пакета. Нащупал! Нащупал – и изумился вторично. То, что бряцнуло об пол, не было ложками и вилками: это была связка ключей. Интересно, чьих? Его были при нем, в кармане. Он даже для верности полез туда, достал и проверил – те или нет. Все правильно, его ключи при нем. Тогда чьи ключи улетели в мусор? Не увидишь – не узнаешь! Пришлось надрывать крепкий полиэтилен, рыться в яичной скорлупе и колбасных шкурках, доставать эту чертову осклизлую связку и нести ее потом через весь двор двумя пальцами, чтобы не выпачкаться.

Выбросив пакет с мусором, Панкратов захватил пригоршню снега и начал оттирать свою находку. Потом обсушил ключи полой куртки, вошел в подъезд, подошел поближе к лампочке над входом и стал рассматривать.

Ключей было немного, точнее, три. Один – предположительно от какого-то стола или тумбочки, а два – точно от дверных замков. Ни один из них никак не подходил к его

двери. Тогда чьи они, черт побери?! Чьи и почему оказались на дне мусорного ведра?! Почему его жена или сын постарались от них избавиться? В чем секрет, в чем разгадка?!

Наверх он лифтом не поехал, пошел пешком, с трудом переставляя ноги со ступеньки на ступеньку.

Неужели все именно так, а? Неужели он что-то просмотрел? Что-то проворонил? И Ленка... Его Ленка, с которой они прожили бок о бок дюжину лет, могла совершить подобное? Но как? За что?! Она не могла знать о том, что произошло между ним и Настей в тот день. Не могла знать и догадываться о его решении. Почему она это сделала? Почему?!

А вот с ключами-то как раз все ясно. Ленка, дура, элементарно прокололась! Машинально бросила их в мусорное ведро, зная, что он, Панкратов, как бы поздно ни пришел, покорно отправится на помойку, для порядка рывкнув на нее... Привычка подвела. Но какая же она все-таки стерва!

Панкратов почти не сомневался, вставляя один из ключей в замочную скважину соседней квартиры, что он подойдет. Он практически был в этом уверен и не ошибся. Ключ привычно повернулся, замок послушно лязгнул, дверь открылась. И никакого тут волшебства не было: просто ключ оказался родным. Ключ, который прежде лежал в Настинной сумочке или в кармане ее одежды.

Панкратов знал, что ключей не нашли на месте происшествия. Он уточнил это у сердитой Настинной тетки, когда та благоволила ответить на несколько его вопросов: этот

– про ключи – он задал одним из первых. Ключи пропали, предположительно их унес с собой преступник, совершивший нападение. Но разве Панкратов мог знать тогда, что преступником окажется его собственная жена!

– О господи, что делать-то?! – простонал Панкратов, забираясь изнутри в Настинной квартире и проходя одетым в ее кухню. – Что делать-то, мент, станешь? Привлекать, дело заводить? Ох, беда, беда...

Он сунулся в чужой холодильник, достал початую бутылку водки – еще когда с теткой Настинной сидели, он ее углядел.

Тетка тогда полезла в холодильник за молоком к чаю, Панкратов водку и заприметил... Он открутил крышку и начал пить огромными глотками прямо из горлышка. Рыскать в темноте в поисках стакана он не стал, как не рискнул зажигать свет. Так и сидел в темноте, то и дело прикладываясь к бутылочному горлышку и шепотом с горечью повторяя:

– Вот что ты теперь станешь делать, мент?! Ты же честным всегда себя считал! Что делать-то будешь?! Сдашь или нет мать своего ребенка?

Он не допил до конца, поняв, что сильно охмелел. Нет, голова по-прежнему соображала, хотя лучше бы наоборот. А вот ноги не слушались, и тело сделалось безвольным и словно ватным. Только и сумел, что добраться до первого попавшегося на пути дивана в чужой незнакомой квартире. Рухнул на него прямо в одежде и ботинках, перевернулся на спину

и, прежде чем задремать, неожиданно снова подумал...

А зачем все же Ленка поднималась на те проклятые ступеньки, чтобы нанести удар? Она же стояла на них, ежу понятно. С высоты своего роста она не смогла бы ударить Настю по голове, экспертиза это подтверждает. Зачем?! Может, они поскандалили у дверей, и Настя ей все рассказала? Вряд ли. Настя – умная женщина. Не стала бы она трещать о том, в чем у нее самой уверенности не было. Она даже тетке своей родной ничего о нем не рассказала, лишь улыбалась загадочно. Что же там произошло? Что?! Ленка не расскажет. Ой, придется все же идти по соседям, ой, придется...

Тетю Наташу – пожилую женщину с первого этажа, которая с молчаливого благословения всех жильцов объявила себя старшей по подъезду, ему пришлось прождать долго. Ушла за пенсией, подсказала ему ее подруга и соседка по лестничной клетке. Скоро придет. Тетя Наташа шла ровно час. Панкратов весь истомился, без конца прогревая машину. Домой к себе он так с утра и не зашел. Противно было. Да и боялся, что, увидев жену, не выдержит и...

Лучше было не рисковать, а попытаться сперва навести справки. Трое из опрошенных, те, чьи окна выходили во двор, в тот день ничего не видели. Темнеет рано, привычки сидеть возле подоконника, грея ноги на батарее, ни у кого, кроме тети Наташи, не было. А она, как на грех, запропастилась.

– Сереженька, голубчик, как я рада тебя видеть, – расплы-

лась в улыбке полная пожилая женщина, безропотно позволяя взять у нее из рук тяжелые сумки с продуктами. – Почему не на работе?

– А я как раз и на работе, тетя Наташа. Я к вам по делу. Есть несколько вопросов. – Панкратов послушно замер за ее спиной, пока та долго ковырялась ключами в трех замках.

– А-а-а, поняла, поняла, – та сразу подобрала губы в жесткую скобочку. – Это по поводу того происшествия с Настенькой?

– Да, именно. С вами кто-нибудь уже проводил беседу?

– Да нет, никого не было. – Тетя Наташа вошла к себе, едва не споткнувшись о здоровенного черного кота, подлетевшего ей под ноги. – Да и не видела я никого подозрительного в тот вечер. Все как обычно. Рассказывать-то особо нечего.

– А вы, как обычно, сидели возле окна?

– Ну да. Телевизор я не люблю. А тут снежок повалил, красота. Тихо так падает, бесшумно. Я к окошку-то и прильнула. И ничего. Никого чужого. – Она стянула с головы пуховую шаль, обмахнулась ею, поправила волосы, стащила старенькую цигейковую шубу, отдала ее Панкратову и пригласила его в комнату. – Ты проходи, проходи, Сереженька. Сейчас чайку организуем. Я тут за полцены черствые пончики купила в кафетерии. Сейчас распарю их, и чайку...

– Спасибо, тетя Наташа, некогда, – он не стал раздеваться, встав на пороге ее единственной комнаты. – Вы лучше вспомните, кто конкретно и когда входил в подъезд? Не

сложно?

– Обижаешь, начальник! – воскликнула она совсем не по-стариковски и сама рассмеялась своей шутке. – О, как я тебя! Не обиделся, нет? Вот и хорошо... А кто входил... кто входил? Сначала мальчик твой пробежал, странный такой, смешной. Потом почти сразу Настенька зашла, сначала, правда, постояла, на небо посмотрела, голову все кверху поднимала, тоже, наверное, на снег любовалась. Потом супруга твоя... Она сначала – Леночка-то – спустилась в подвал, ключи еще у меня брала от входной двери. Потом вышла, ключи отдала...

– А зачем она в подвал-то ходила? – изумился Панкратов. – Что-то не сказала ничего.

Заставить Ленку посетить выделенную их ЖЭКом клетушку под домом можно было только под выстрелом. А тут вдруг поперлась, да еще так поздно!

– Так она за крестовиной для елки туда ходила. Говорит, самого-то вечно не дождешься, а елку, мол, ей обещали с утра привезти. Елку, мол, привезут, а тети Наташи на месте не окажется. Вот она с вечера эту крестовину и достала из подвала. Я еще ей говорю, поругай му- жа-то, Леночка, крестовина железная, тяжелая, наверное...

– Понятно, – перебил ее Панкратов.

Ему теперь стало ясно, чем именно Ленка шарахнула Настю по голове. Металлической крестовиной для новогодней елки! Эту крестовину Панкратов тоже привез из родитель-

ского дома и из своего счастливого детства. Прочная была, сваренная на заказ. Ленка ее притащила домой, чтобы с утра поставить елку. Но по дороге сцепилась с Настей по какой-то причине. Крестовину спрятала, и уж не до елки ей потом было – это точно.

– А мальчонка у тебя, Сереженька, забавный! Такой забавный! И на тебя очень похож. Так, может, все же выпьешь чаю, а? Хороший, наверное, мальчик...

– Да, да. – Панкратов двинулся к выходу. – Может, и хороший. Грубит часто, но они все в этом возрасте такие!

– Грубит? Ой, не знаю. Как такой мальчик может грубить? С детишками в школе утренники проводит, он сам мне сказал утром. И вдруг – грубит! Наговариваешь ты на свое дитя, Сереженька. – Тетя Наташа погрозила ему пальцем, провожая до двери.

Он споткнулся, медленно повернулся и, уставившись на соседку неестественно вытаращенными глазами, прошипел:

– Что он проводит с детишками в школе?!

– Утренники! Он сам сказал! – Тетя Наташа от вида его перекошенного страхом лица даже попятилась.

– Вы спросили, а он сказал, – подытожил Панкратов. – А что заставило вас спросить его об этом, тетя Наташа? Чем таким забавным удивил вас мой сын, что заставило вас ему поверить?

– Так он в костюме Деда Мороза был, Сереженька! Летел сломя голову из школы, потому что поздно уже было. Ле-

тел домой, подол в руках держал от морозовской-то шубы, глазенки испуганные... Боялся, наверное, что припозднится. Забавный мальчик...

Забавный мальчик! Очень забавный мальчик его сын, по совместительству – преступник, которого разыскивает вся городская милиция! Очень забавный мальчик: состоял в шайке бандитов, которых в тот вечер спугнули. И они бросились все наутек, кто куда. А он вот поспешил к себе домой. Влетел на этаж, начал открывать дверь. За этим его и застукала Настя и, памятуя обо всем, что писали в предостерегающей статье, тут же проявила бдительность. Она бы подняла шум, непременно. Она бы разоблачила преступника, который ковырялся в замке чужой квартиры, намереваясь ее ограбить. Это понимали все, включая Ленку, которая поднялась за ними следом с тяжелой металлической крестовиной для новогодней елки. Она не могла не узнать своего родного сына, если его успела узнать Настя. И первое, что она сделала, пытаясь его защитить, – ударила соседку что есть сил по голове, прокравшись за спину и поднявшись на ступеньку выше. Потом, чтобы не привлечь ничьего внимания, пока Тимоха стоит, роняя сопли на пороге, она открывает дверь соседской квартиры. Втаскивает туда пострадавшую. Прикрывает дверь, опустив ключи себе в карман. А потом...

Потом начинаются разборки с сыном, затянувшиеся до его прихода. Поэтому-то она и сидела в гостиной на диване, забыв переодеться и снять сапоги. Разборки ни к чему

не привели. Происшествие решили сохранить в тайне. Он ведь им не защитник! Он ведь может и под суд их обоих оттащить! Честный ведь, гад!

Все было так или почти так. Осталось снять показания с пострадавшей, и дело можно отправлять...

Боже!!! Что же ему делать-то, боже, подскажи! Удаться, что ли, от беды такой?...

– Рехнулся, что ли, идиот! – попытался заорать на него Ваня Воронин, но язык его почти не слушался, вышло неубедительно. – Удаться он собрался!

– А как жить-то дальше, как? Промолчать?! А что дальше? Он же – поганец – и дальше начнет творить дела и сядет в конце концов. А Ленка! Сука, что натворила, а! Они же меня без ножа зарезали, Ваня! – Панкратов уронил голову на руки и замотал ею из стороны в сторону. – Что делать-то, Ванька?! Промолчать не могу! Не промолчу – их отдадут под суд! Хоть и сволочная, но семья же! Сын он мой, Ванька!

Они пили уже четвертый час. Пили много и зло, почти не чокаясь. Обмывать было нечего. Заливалось страшное горе, которое случилось у Панкратова. Ванькой было предложено три десятка вариантов, и ни один из них не устроил друга. Потому что утаить это от следствия он не мог. А не утаишь...

– Ладно, давай завтра ты у меня поспи, к Насте своей сходи. Она ведь пострадавшая.

Может, уговоришь ее не подавать заявление, коли все так.

– Я не могу ее об этом просить, идиот! – пытался орать

Панкратов и тут же задышался от резкой боли в груди. – Как я могу ее просить об этом, что ты городишь?!

– Молча попросишь! Одним висяком будет меньше. Ты не попросишь – я попрошу! А с этим Дедом Морозом мы как-нибудь... Замнем, может, а? Вон прокурорский сынок в прошлом году сбил человека на пешеходном переходе. На-смерть сбил, Сереж, пьяный был вдугаря. А дело даже заводить не стали.

– Ты меня с этой гнидой не равняй! – кулак Панкратова навис над Ванькиной головой. – Я откупиться не могу, да и... Да и нечем. Они же столько квартир вскрыли, Ванька! Это же такая сраная статья! А посадят его... Сам знаешь, кем он с малолетки выйдет. Что делать?!

– Спать давай, Сереж. Завтра... Все завтра, идет?

* * *

Снег хрустел под ногами праздничной карамелькой. Сыпал сверху невесомыми ватными хлопьями, долетал до земли и тут же превращался в нарядно хрустящую карамельку. И голова, как ни странно, от этого хруста не болела. Что значит на воле! В больнице даже шорох жалюзи вызывал раздражение. А когда в палату врывались громогласные нянечки с медсестрами и принимались трясти тряпками, градусниками и громыхать тележками с размазанным по тарелкам завтраком, Насте хотелось плакать. И еще домой очень хоте-

лось. Первый раз за последние годы остро хотелось домой, в свои стены. И первый раз с того времени – тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – захотелось новогодней елки в блестках мишуры. И гуся из духовки с зажаренной спинкой, и пирогов ароматных с курагой и корицей, и чтобы всюду – мандарины, мандарины, и конфет еще чуть-чуть.

Смешно! Смешно и странно: Новый год-то она пропустила! Пропала на больничной койке с перебинтованной головой. И Новый год, и Рождество. Еле-еле ее влиятельная тетька уговорила врачей отпустить ее хотя бы к четырнадцатому января домой.

– Полноте, батенька! – умащивала она всеми правдами и неправдами Настиного доктора. – Девочке давно уже хорошо. А дома будет еще лучше. Хватит ей уже государство объедать, она же здорова!..

Отпустили ее неожиданно, прямо утром тринадцатого. Настя даже суеверно пальцы скрестила, забирая больничный. Что-то ждет ее за воротами клиники в этот день?

А за воротами ждал ее сюрприз в виде мягко усыпающего землю снега. Тишина, никакого ветра, и осторожно слетающие на землю снежинки. И еще – толпы беспокойно снующих по магазинам людей, не желающих вот так, за здорово живешь, расставаться с новогодними праздниками. Они бежали, улыбались и поздравляли друг друга с наступающим Старым Новым годом. Раньше такого не было, этот праздник был не в чести. Теперь по-другому. И хорошо, что так. На-

стоящий-то она проспала!

Настя медленно брела по улице и тоже улыбалась всем. Кивала хмельным парням, зазывающим ее с собой на вечеринку. И чем ближе она подходила к дому, тем острее ей хотелось, чтобы там ее ждал кто-то. Пусть она откроет дверь своими ключами, которые ей отдал раздавленный недавними обстоятельствами Сергей Панкратов. Переступит порог, а там...

Может, все же тетя догадается поставить елку, а? Может, и пирогов напечет? Ну так хочется потеревить мохнатую еловую лапку, потрогать блестящую сосульку, покрутить любимый шарик с чуть облупившимся краешком. А потом, когда стемнеет, погасить верхний свет, зажечь огни на елке, забраться с ногами на диван и смотреть, как вздрагивает от неувлимых сквозняков разбросанный по новогоднему дереву дождик.

День сюрпризов – тринадцатое января, удался! Да, да, да!!!

Тетя не напрасно вызволяла ее из больничных застенков. Она готовилась заранее. Настя остановилась во дворе, задрала голову и с улыбкой посмотрела на свои окна. Там – в окне гостиной, в ранних зимних сумерках особенно заметно, что-то странно моргало красным, голубым, зеленым. Это не могло быть ничем, только новогодней гирляндой, и она точно на елке! Где же еще ей быть, где?!

И лифт ее дождался, и домчал на этаж без задержек и по-

ломок, хотя и те, и другие в их подъезде случались, и не раз. И дверь ее квартиры открылась сама собой, даже без ключа. Значит, ее там ждут.

Точно, ждали! Тихо бормотал телевизор в гостиной, пахло свежей хвоей. Смешная ее тетушка! Смешная, родная и любимая! Люди уже избавляются от елок, а она ее, где-то раздобыв, только поставила. И пахло чем-то очень вкусно. Даже голова закружилась от пряного мясного духа.

Стянув шапку с коротко остриженных волос и пристроив на вешалке куртку, Настя разулась и, осторожно ступая в носках по дощатому полу, начала красться в гостиную.

Там и правда стояла елка, она не обманулась. Огромная, под потолок, нарядная – такая, что у нее в глазах зарябило от огней и игрушек. Телевизор был включен. И все. В гостиной никого не было. Тетя наверняка орудовала у духовки. Да, вот и грохот посуды оттуда послышался. Только – странные дела – чертыхнулся кто-то совсем не ее, а мужским голосом.

– О! Ты уже вернулась, привет. – Панкратов с силой дул на обожженные пальцы, глядя на Настю со смущенным ожиданием. – Я тут вот хотел тебе сюрприз подготовить. Ничего, что команду?

– Ничего. А... Тетя где?

– Тетя? Тетю я уговорил остаться сегодня дома. Ничего, что я снова команду? – Он схватил со стола полотенце, намочил его холодной водой, обернул им ладонь и кивнул в сторону газовой плиты. – Там у меня гусь. Хотел свинину за-

жарить, твоя тетка – упрямая, черт, – не позволила нарушать традицию. Не знаю, что вышло. Повар из меня... Настя... Ты это... Я ведь ни на чем не настаиваю...

– Это ты о чем?

Голова снова принялась кружиться, пришлось присесть на табуретку, хотя смотреть на Панкратова в таком положении было жутко неудобно. Он был высоким, большим и все время мотался туда-сюда, и еще... И еще он был необыкновенно красивым. Может, оттого и голова у нее закружилась?

– А мне волосы обрезали, Сережа. – Настя смущенно провела по коротко остриженному затылку. – Я, наверное, смешная теперь... Знаешь, я рада, что ты меня встретил.

Он замер на полпути от газовой плиты к раковине. Посмотрел на нее. Осторожно, чтобы не громыхать, поставил грязные миски в раковину и, прокашлявшись, сказал:

– Я тебя не встретил, Настя. Я тебя ждал! Очень ждал, когда ты вернешься.

– Правда?

– Правда. – Он подошел, опустился на коленки перед табуреткой, на которой она сидела, и прижался щекой к ее боку, осторожно приобняв. – Я так тебя ждал! Все боялся, что ты вернешься и не примешь меня, выгонишь.

– За что? – До его волос вдруг так захотелось дотронуться, а боязно было. – Почему я должна была тебя выгнать?

– После всего, что натворила моя семья...

– Кстати, как они?

– Они уехали. С Ленки после твоего заявления об отказе в возбуждении уголовного дела все обвинения сняли. А сын... Сына его подельники не назвали при допросах. Был очень крупный разговор с ним в отделении, решили на первый раз его как бы... простить.

– А ты? Ты его простил?

– Я? – Он крепко зажмурился и замотал головой. – Я – нет! Я не могу, Настя, простить его. Не могу! Ни ему, ни ей простить не могу того, что они натворили! Они уехали к ее родителям очень далеко, навсегда. Теперь я один и прошу тебя...

– Замуж зовешь? – Она все же осмелилась тронуть его волосы, потом поцеловала в макушку. – Ты зови меня замуж, Сережа Панкратов! Очень прошу тебя, зови! И жди меня всегда, а я тебя ждать буду. Хорошо?

– Хорошо, – выдавил он из себя через силу.

Хоть бы уже разговор свернул куда-нибудь, а! Ну сил же просто нет, не хватало еще расплакаться у ног любимой женщины. Хотя стыда-то в этом и нет никакого, наверное. А все равно неловко будет.

– За елку тебе, Сереженька, спасибо. – Она снова уткнулась губами в его макушку. – Я так хотела ее, так хотела! Где же ты ее взять сумел, середина января на дворе!

– О-о! Это очень длинная и очень интересная история. И рассказывать я ее тебе стану каждый раз в канун Старого Нового года. Ведь каждый год этот праздник будет нашим,

так ведь?...

Невеста в сугробе

Глава 1

Где родился, там и пригодился!

Кому мог пригодиться Миньков в старом бабкином доме в заброшенной деревне с покосившимися заборами и обвалившимися колодцами, он не знал. Да и не рождался он там вовсе. Бабка, да, родилась именно в этой деревне. И мать тоже там местной повитухой была в жизнь препровождена. Он-то родился в городе, за триста верст отсюда. Но все равно настырно туда ехал. И упорно бубнил себе под нос, пока ехал:

– Где родился, там и пригодился... Где родился, там и пригодился...

И зачем ехал-то? – спросил бы кто. Потому что со злостью своей справиться не смог? Или потому что захотелось посмотреть на семейство свое избалованное, как это оно станет жить- поживать без него?

Господи, о чем это он?! Какое семейство?! Разве это семья: он – Миньков Сергей Иванович и она – Минькова Алла Степановна? Может, и семья, конечно, юридически, но неполной, кургузой какой-то она казалась Сергею без детей. Неполноценной он бы даже ее назвал.

– Какие дети, Сережа?! – всякий раз возмущалась Алла,

когда он начинал заводить разговор об этом. – Мы же договаривались, ты помнишь?

Да помнил он, помнил. Ну и что? Сколько лет-то прошло с тех пор, как они договорились? Много лет, слишком много для него. Сколько? Да пять, пять лет прошло с тех пор, как они заключили брак с Аллой. А детей все нет и теперь, наверное, уже и не будет.

Он ведь сегодня утром решил, что навсегда уехал от нее. Сначала они долго и с удовольствием скандалили, потом он покидал в дорожную сумку какие-то вещи, вышел из квартиры, сел в машину и поехал, решив тут же, что не вернется к ней никогда.

– Поезжай, дорогой, поезжай, – ехидничала она ему вслед, ероша белокурые кудри, и хохотала, с призывной сексуальностью запрокидывая головку. – Завтра на коленях стоять будешь и прощения вымаливать...

Он не стал утверждать, что никогда этого не сделает, потому что уже не раз так делал. Сел в машину и поехал, поначалу даже не зная, куда. А потом вдруг на ум пришла старая пословица, которую сильно бабка любила:

– Где родился, там и пригодился...

И он свернул на объездную дорогу и уже через час выезжал из города.

«Ничего, – думал он, наблюдая, как „дворники“ его машины разгоняют липкий снег с ветрового стекла. – Я не пропаду. У меня все есть! Бизнес пускай и прихрамывает сейчас,

но у кого не так? Вытяну как-нибудь, не впервой крутиться. Жить есть где. Не зря часть средств в недвижимость запустил, как ведь чувствовал...»

Единственной, кого он терял, была жена.

Миньков нахмурился и полез за сигаретами, хотя зарекался курить за рулем.

Без Алки ему будет худо, он это знал. Любовь это была, привычка или зависимость какая-то нездоровая, объяснения у Минькова не было, но без нее ему всегда бывало плохо. Она об этом знала и пользовалась его зависимостью на всю катушку. Горы шмоток, украшения, отдых, где пожелает, во всем он ей потакал, ни в чем не отказывал. Ко всем ее капризам и истерикам относился поначалу с мужской снисходительностью. Женщина же, как иначе-то? Слабая, милая, нежная. Не бесился никогда прежде, не пытался приструнить. А она...

Она даже ему ребенка родить не захотела. Такая...

– Сука! – не выдержав, скрипнул зубами Миньков, выбросив недокуренную сигарету за окно.

Рот наполнился горькой слюной, и в районе сердца что-то остро и болезненно сжалось.

Для себя ей пожить хочется, видите ли! А ребенка-то для кого, для соседей, что ли, рожают?! Да, он поначалу тоже не спешил, и даже договаривался с ней о чем-то таком, и думал, что им вдвоем вечно будет хорошо. А потом заскучал вдруг. И гомона детского дома захотелось, и нытья про игрушки с

велосипедом стало доставать. Не все же про ее тряпки и солярии слушать.

– У всех наших знакомых дети, Алла. Чего мы-то, дефективные, что ли?

Дефективной она себя не считала, конечно же, но и следовать примеру знакомых не собиралась.

– И что хорошего-то? Ни уйти, ни уехать никуда. Ты-то, понятное дело, на фирме станешь пропадать день и ночь, а я? В пеленках тут с подгузниками зареюсь, да? А фигура? Что с ней станет? Я уже никогда не стану такой, как сейчас. Никогда!

По Минькову, так Алке не мешало бы чуть поправиться. Извела себя диетами и фитнесом до такой степени, что он стал потихоньку забывать, что такое женское тело. Настоящее женское тело, с нежными плавными изгибами, приятными выпуклостями и все такое.

– Тебе надо, ты и поправляйся! – орала она обычно, втягивая перед зеркалом несуществующий живот. – Ну вот, снова триста граммов отложилось. А все ты со своими дурацкими шашлыками...

К шашлыкам, насколько помнил Миньков, жена не притрагивалась, потягивала минералку без конца. И лишних триста граммов он на ней не смог обнаружить, сколько ни вглядывался, но повод для очередного скандала появлялся бесподобный, и они отрывались по полной программе.

Последние несколько месяцев они вообще дня не могли

прожить, чтобы не поругаться. Им даже повода не нужно было. Достаточно было неосторожного взгляда или неудачной шутки, и все начинало искриться.

Сегодняшний день начался с ее отвратительного кофе, а ведь могла бы уже за пять лет научиться его готовить, пересушенных тостов с обуглившимися краями и ее поскуливания про то, что кто-то куда-то едет на рождественские каникулы, а они вынуждены сидеть дома.

– Так в прошлом году ездили, – огрызнулся Миньков, тут же начав закипать.

Он как раз ошелушивал подгоревший тост. Горелые крошки попали ему на брюки. Он попытался их стряхнуть, но только все усугубил. На штанине остался угольный след. Теперь надо было переодеться, а времени до выезда из дома почти не оставалось. Тут еще она со своими претензиями.

– Так год прошел, Сережа!!! – прошипела она, поражаясь его скудоумию, надо полагать. – Год!!! Не день, не неделя, не месяц даже, а год! Люди едут...

– Люди едут туда с детьми, между прочим. Учат там их кататься на лыжах, лепят вместе снеговиков, – вспомнил он своего приятеля с семьей. – Доставляют своим малышам радость. А ты-то зачем поедешь? Хвостом крутить? Так тебя там по прошлогодним выходкам запомнили.

– Что ты имеешь в виду?! – взвилась Алла тут же. – И при чем тут дети?! Если нет детей, развлекаться, что ли, не надо?!

– Надо просто пытаться жить для чего-то еще, – вздохнул Миньков, вспомнив с грустью новогодние праздники своего детства. – Для кого-то еще, Алла.

– Опять ты за свое!!! – закатила она глаза. – Мое тело не инкубатор, Миньков! И мы с тобой договаривались...

Потом началось перечисление обид, которых он ей нанес по неосторожности за прошедший год. Невыполненные просьбы. Все скомканые праздники. Закончилось всхлипыванием, в которое Миньков уже не верил, Алка была потрясающей актрисой, хотя и никогда не пробовала себя на подмостках.

Он не выдержал, вскочил из-за стола и ушел в спальню переодевать штаны. Но оказалось, что переодеваться было не во что. Что-то она забыла забрать из химчистки, что-то еще не отнесла в прачечную. Сами-то Алла Степановна не унижали себя стиркой и глажкой его брюк.

– Надень джинсы, в конце концов, – посоветовала она угрюмо.

– Ко мне сегодня немцы на фирму приезжают! – заорал Миньков не своим голосом. – Ты это понимаешь или нет?!

– Жрать надо было аккуратнее! – заорала она в ответ. – А не обсыпаться крошками, как быдло последнее!!!

– А кому-то не мешало бы научиться, наконец, готовить! – еще громче продолжил Миньков, начав в бешенстве вываливать всю одежду с полок на пол.

– Жри в ресторане в таком случае! – не унималась и она. –

Ты, в конце концов, можешь себе это позволить!

– А ты-то... – он опешил, она еще ни разу не отсылала его в общепитовские места. – Ты- то мне тогда для чего, дорогая?! Постиранных вещей нет! Покушать нет!

– Про детей не забудь добавить!

– И не забуду! – Он выхватил из кучи одежды джинсы, которые были чистыми, но не выглаженными. – Детей тоже нет! Зачем ты мне тогда, а?!

И вот тогда-то он, вдевая ноги в измятую джинсовую ткань, и понял, что не останется с ней. И начал хватать с пола что-то, какие-то носки, футболки, свитера и совать в дорожную сумку. И пускай она ехидничала ему вслед, Миньков молчал. Ему нечего было ей сказать, потому что он не знал, как будет дальше.

Без нее ему будет плохо, он всегда скучал по ней и уже через день-другой начинал названивать, но и с ней уже стало просто невыносимо. Он бесился от того, с какой маниакальной увлеченностью она отслеживает свои килограммы, с какой тщательной обязательностью качает, поджаривает, умащивает свое тело. Маникюр, педикюр, макияж, было что-то еще перманентное, он плохо слушал и не уловил...

Да, красива. Очень красива его жена. Практически безупречно красива. Господи, но есть же что-то еще! Что-то еще более ценное, важное и святое, чем просиживание часами перед зеркалом, махи руками с зажатými в них гантелями и бесконечная трусца по беговым дорожкам.

Почему она не хотела его понять? Потому что никогда не пыталась или ей просто было неинтересно? Неинтересно то, чем он жил, о чем мечтал.

– Нарушаем? – Молодой лейтенант, остановивший его на дороге, обошел машину Минькова. – С какой целью приехали в наши края, Сергей Иванович?

– К бабке в деревню. – Миньков назвал населенный пункт, где решил в одиночестве праздновать Новый год.

– Ого! – удивленно воскликнул лейтенант. – Там же нет почти никого. Пара дворов и осталась. У меня дядька оттуда. Все дом хотел продать, да не берет никто, так и ветшает теперь. Ладно, не стану вас наказывать, Сергей Иванович, праздник все же на носу. Будьте осторожнее, счастливого пути.

Миньков медленно тронул машину с места, кивком поблагодарив лейтенанта.

Вишь как! Даже милиция прониклась пониманием в связи со святостью праздника, а Алку не пронять ни хрена. Пускай, конечно, святость та была не православной, а скорее семейной, но ведь Алка-то ни в бога, ни в черта не верила. И святого у нее ничего за душой не было, и в традиции она не верила семейные.

А вот Миньков во все это верил и всего этого желал всей душой.

– Эх, Алла, Алла, и почему ты так со мной?! – прошептал Миньков Сергей Иванович, съезжая с шоссе на проселочную

дорогу, невероятно, но та оказалась расчищенной. – Могли бы, между прочим, вместе поехать...

Конечно, Алла не поехала бы с ним в глухую деревню ни за что. Это так он сам себя обманывал. И если бы даже ему удалось ценой невероятных усилий и щедрых авансирований уговорить ее совершить небольшое романтическое путешествие в забытый край, то, переступив порог бабкиного дома, его жена тотчас бы умчалась обратно.

Романтики было мало в плесневых углах, прогнивших досках пола в сенцах и занесенных пылью и паутиной крошечных оконцах. И вообще каким-то все маленьким оказалось, тесным и хлипким. Табуретка в кухне едва выдержала его вес, раскрипелась так, что Миньков поспешил с нее подняться. Панцирная койка в бабкиной спальне была очень узкой, почти солдатской и тарасилась на него оскалом проржавевших пружин. Ящики старого растрескавшегося комода так и не выдвинулись, сколько он ни старался. Круглый стол в маленькой кухне, правда, порадовал. Все так же с деловитой прочностью стоял на толстых ножках посреди комнаты. И свет, как ни странно, под потолком вспыхнул, когда Миньков пощелкал головастым черным выключателем.

То ли власти закрутились и позабыли отключить участок линии электропередачи в опустевшей деревне, то ли ворами было недосуг в такой медвежий угол за кабелем подаваться, и тот уцелел. Но свет горел, и Сергей немного приободрился.

Поначалу-то, если честно, как только в дом вошел, хотел

сбежать. И даже перед Алкой готов был извиниться, лишь бы не встречать Новый год в такой дыре в одиночестве. Но потом передумал.

Не мужчина он, что ли, чтобы так вот сразу паниковать и обратно ей в ноги падать?! Ему потом, кроме горечи, ничего, а Алке опять же радость: все случилось, как она и предсказала, не зря же хохотала ему вслед.

Нет, он никуда отсюда не уедет. Осмотрится сейчас, печку затопит. Если дров не найдет позади дома, где обычно они вязанками лежали, то пойдет по соседним дворам. Где-то что-то да завалюсь. И заборов опять же кругом видимо-невидимо, не то что на два дня, на два месяца хватит топить.

Да и все необходимое у него с собой. Когда ехал, успел не только встречу с немцами на зама своего переложить, но и в супермаркет заехать, забив две тележки до отказа продуктами, выпивкой, спальными принадлежностями, яркой клеенкой, посудой. До праздника еще сегодняшнего шесть часов оставалось и завтра целый день до полуночи. Он и в доме порядок наведет, и елку установит, огромную упаковку елочной бижутерии с шарами, мишурой и бусами он тоже ведь не забыл прихватить. А как со всем этим справится, пойдет гостей к себе звать на новогоднюю ночь, лейтенант на дороге обмолвился, что пара дворов тут обитаемых осталась. Может, кто знакомый из его озорного детства, с кем задами снежные горки полировали и коньками лед на пруду рыхли-

ли, здесь до сих пор живет?...

Глава 2

Он ненавидел, как она это делала...

Да он все в ней ненавидел, если уж признаться честно. Как она ходила, ненавидел. Не шла ведь, а как ладья плыла, медленно ворочая крутыми, будто корма, боками. Как разговаривала, слышать не мог. Говорила ведь, будто по учебнику словесности. Каждое слово утюжила необходимой интонацией, при этом нежно поводя подбородком. Нежно! Придумает же! Господи, это раньше ему казалось, что нежно. Теперь-то он это телячье подергивание видеть не мог. И голос ее тихий шелестящий в мозг впивался комариным жужжанием. Коса ее, хлобыстающая ее по пояснице, раздражала. Так бы и навертел ее на руку, так бы и...

Но как она поливала свои нелепые бегонии в нелепых цветастых глиняных горшках, он ненавидел особенно. Над каждым горшком щебечет, дура малахольная! Листочки перебирает, землю рыхлит специальной крохотной лопаточкой, улыбается. Потом одной рукой листья приподнимает и осторожно с лейки прыскает прямо под корень. И лицо у нее при этом такое становится...

Такое препротивное, слащавое такое лицо с вытянутыми трубочкой губами, будто носик лейки она в этот момент имитировала. И ему хотелось орать в полный голос и колотить ее по толстой спине своими громадными кулачищами.

Но он не бил ее. Не потому не бил, что не хотелось – хотелось, и еще как, – а потому, что противно было ее касаться. Да и боялся ее он тронуть, чего уж вилять. Свободой своей долгожданной дорожил, потому и терпел и щебет ее, и плавное покачивание ее крутых бедер, и цветочки по подоконникам ненавистные терпел.

Выхода у него не было потому что! В угол он был загнан и обстоятельствами, и волею этой белокожей матроны, возмнившей себя его спасительницей.

Выбраться из этого угла хотелось до судорог и уже давно, но он не знал, как. Нет, выход-то был. И друзья опять же советовали, и даже планы какие-то составлялись ими же – он принципиально не принимал участия, – но все казалось ему таким нелепым, таким опасным, что он лишь отрицательно покачивал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.